22 7/119

22 7/119

Д. И. СЕМИЗЪ.

СЕРБСКАЯ ГОЛГОѲА

104.

22 7/119.

Д. И. СЕМИЗЪ.

СЕРБСКАЯ ГОЛГОѲА.

Весь валовой доходъ отъ продажи изданія поступитъ на усиленіе образованнаго при Обществѣ памяти Крижанича въ Москвѣ фонда для воспитанія въ Россіи южно-славянскихъ сиротъ.

Изданіе Общества памяти Крижанича
на средства С. И. Рельича.

МОСКВА. 1916.

Государств. публичная
историческая
библиотека России

1258825

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ „РУССКАЯ ПЕЧАТНЯ“, БОЛ. САДОВАЯ, Д. № 14.

Сербская голгоѳа.

Сербія воюетъ съ 1912 года. Она ведетъ великую, священную, освободительную войну. Девять десятыхъ сербо-хорватскаго племени болѣе пяти вѣковъ томятся въ рабствѣ, чахнутъ, гибнутъ безъ свѣта и тепла солнца свободы.

Въ крови рождается свобода... И Сербія, сербско-хорватское племя обильно залило свои земли кровью и слезами.

Сербія была измучена, изранена, истерзана въ моментъ нашествія на нее въ сентябрѣ минувшаго года австро-германо-болгарскихъ полчищъ.

Много крови пролила Сербія въ 1912 году въ борьбѣ съ Турціей. До небесъ простирался стонъ беззащитныхъ женщинъ и дѣтей, которыя падали подъ немилосердными ударами озвѣрѣвшихъ турокъ и албанцевъ.

Ужасна, истребительна была война съ болгарами въ 1913 году. Болгаринъ-Каинъ былъ кровожаденъ и жестокъ! Весь міръ содрогнулся передъ болгарскою жестокостью и мученичествомъ сербовъ.

Цвѣтъ и сила сербской расы были надорваны, помяты...

Холера и тифъ также опустошали ряды сербской арміи, сербскаго народа.

Потомки легендарнаго сербскаго героя королевича Марко, — отца сербскаго демократизма, который въ 1912 году снова воскресъ въ сердцахъ „коссовскихъ осветниковъ", зажегъ ихъ и звалъ къ побѣдѣ,— на пути къ роднымъ деревнямъ и селамъ подверглись нападенію албанскихъ разбойниковъ.

Германизму захотѣлось еще ненавистной ему сербской крови. Свободная Албанія—дѣтище европейской дипломатіи — вторгнулась въ предѣлы Сербіи...

Измучилась Сербія... и не дали ей залѣчить раны, отдохнуть, успокоиться, приступить къ мирной культурной работѣ.

Германизмъ поджегъ Европу, и первой запылала сербская хата; затрещали кости сербскаго народа, полилась вновь рѣкою кровь сербскаго крестьянина

Съ оркестрами, пѣніемъ и гиканьемъ австрійцы вторглись въ Сербію 31 іюля 1914 года. Захотѣли они наказать Сербію—ненавистную имъ страну демократовъ Злобное кесарево войско не знало удержу: жгло, опустошало, убивало, насиловало...

Измученное, усталое, израненное сербское войско собиралось на Дринѣ и Церъ-Планинѣ...

Не было ни вооруженія, ни аммуниціи...

Пестрая толпа пиджаковъ, сюртуковъ, фраковъ, рубыхъ солдатскихъ рубашекъ, соломенныхъ и фетровыхъ шляпъ вперемѣшку съ крестьянскими шапками, наполовину вооруженная дубинами сербская армія наблюдала за бѣшеной злобой мадьяръ, трепетала, ужасалась неизвѣстнаго будущаго...

Какъ всесокрушающій вихрь, ринулась голая крестьянская Сербія на блестящее войско генерала Франка и опрокинула его съ высотъ Церъ-Планины въ объятія Дуная, Савы и Дрины, бурныхъ, но вѣрныхъ стражей сербской свободы и независимости.

Австрійцевъ, мадьяръ больше не было на сербской землѣ... Но сѣверная Сербія стонала, утопала въ крови и въ слезахъ... Горы дѣтскихъ труповъ, изрѣзанныхъ на куски, лѣса повѣшенныхъ стариковъ, тысячи заколотыхъ изнасилованныхъ женщинъ, зарево пожаровъ,—вотъ что оставили враги „въ утѣшеніе“ сербскимъ героямъ... „Наказали“...

Терзалась, плакала сербская армія, но... закалялась... И шла она снова въ борьбу...

Въ октябрѣ 1914 года генералъ Потіорекъ съ 350-тысячной арміей двинулся въ глубь Сербіи. Кровь лилась ежедневно, а у сербовъ не было резервовъ.. не было снарядовъ... Къ 18 ноября 1914 года войска Потіорека дошли до Рудника и угрожали Нишу. Сербская армія насчитывала всего 87.000 штыковъ, но она не убоялась многочисленнаго врага и ринулась на него... 2-го декабря на

сербской территоріи не было ни одного непріятельскаго солдата...

Армія устала, страна опустошена... Нужно пополнить ряды борцовъ, нужно отдохнуть, отъѣсться, одѣться... А тутъ эпидемія сыпного, брюшного и возвратнаго тифовъ... Десятки тысячъ жизней ежедневно скашивалъ тифъ. Врачей не было. Герои умирали неперевязанные, гнили въ грязи, раздѣтые, безпомощные... Смерть витала надъ Сербіей. Помощи ниоткуда...

И вотъ въ моментъ, когда ряды сербской арміи порѣдѣли, когда сербская деревня вымирала подъ косою тифа, когда сербскія дѣти падали подъ ножомъ врага, когда сербскую мать насиловали когда сербскій народъ отдавалъ и душу, и тѣло свое на алтарь общихъ успѣховъ, сербамъ говорятъ:

— Отдайте Далматію. Это необходимо...

Далматія для сербо-хорватовъ—то же, что Москва для русскихъ, что Варшава и Краковъ—для поляковъ, Парижъ—для французовъ, Оксфордъ — для англичанъ. Далматія—это центръ сербо-хорватской культуры, колыбель сербскаго племени, колодезь, изъ котораго нація черпала и черпаетъ свои культурныя силы. Далматинцы это неизмѣнные носители передовыхъ идей культурной и политической мысли сербскаго племени. Далматія—это гордость сербовъ. Сколько великихъ людей она дала міру!...

По австрійской статистикѣ въ Далматіи 612 тыс. населенія, изъ коихъ 18 тысячъ итальянцевъ, а

остальные — сербо-хорваты... Въ далматинскомъ сеймѣ всѣ депутаты—сербо-хорваты, за исключеніемъ четырехъ. Представителями Далматіи въ вѣнскомъ парламентѣ всегда были сербо-хорваты. И это при австрійской системѣ выборовъ, при ненависти и гоненіи славянскихъ племенъ монархіи!...

Отрубили сербо-хорватскому организму ногу и не успѣли перевязать рану, какъ принялись отрѣзать руку.

Вотъ что, господа сербы:

— Кто-то претендуетъ на Банатъ... Вамъ онъ ненуженъ.... Не спорьте... Отдайте...

Больно было. Мучительна была операція. Все тѣло содрогалось...

Но хирургъ безсердеченъ... Обчищаетъ инструменты и говоритъ больному:

— Вотъ что, дорогой братъ, подрубай-ка дерево, на которомъ сидишь,—отдавай болгарамъ Македонію! На что она тебѣ?.. Богъ съ ней... А, между тѣмъ, уступчивостью ты спасешь культуру, человѣчество...

Это въ то время, когда линія Салоники—Нишъ—Прахово на Дунаѣ была для Сербіи главной артеріей, связывавшей Россію съ Западной Европой.

Больной взмолился:

— Помилоседствуйте, докторъ! Будьте человѣкомъ!.. Вѣдь больно, поймите, больно мнѣ!.. Не вынесу...

Страшно тяжело было, но согласиться пришлось.

Какъ извѣстно, болгары не удовлетворились Македоніей.

А сербы страдали... И съ истерзанной душой и измученнымъ тѣломъ они приняли колоссальную борьбу, пролили послѣднюю каплю крови, отдали все, что можетъ дать человѣкъ, нація, — отдали родину, отдали близкихъ и дорогихъ.

* * *

Болгарія открыто готовилась къ войнѣ съ союзниками. Она явно помогала австрійцамъ и германцамъ. Вооружала Турцію, издѣвалась надъ русскими путешественниками, взрывала мосты на Вардарѣ, разрушала сербскія желѣзныя дороги...

Сербы прекрасно сознавали и были увѣрены, что болгары нападутъ на нихъ. Сербы хорошо помнили, что Фердинандъ неоднократно заявлялъ оффиціальнымъ представителямъ:

— Пока я принцъ Кобургскій и царь болгарскій — Болгарія не помирится съ Сербіей и не пойдетъ вмѣстѣ съ Россіей...

Поэтому сербы бодрствовали, и наступившее послѣ разгрома австрійской арміи въ декабрѣ минувшаго года затишье было использовано для реорганизаціи арміи. Подъ знамена было призвано все, что въ состояніи было носить оружіе. Въ

дѣйствующую армію были возвращены офицеры, даже безрукіе и безглазые. Штабы были сведены до минимума. Не считались ни съ возрастомъ, ни съ состояніемъ здоровья. Обозъ и аммуниціонныя колонны перешли въ руки женщинъ-добровольцъ. Со стоическимъ спокойствіемъ подвозили къ окопамъ снаряды сербскія крестьянки.

Не знала или, точнѣе, не хотѣла знать о намѣреніяхъ болгаръ лишь дипломатія сербскихъ союзниковъ, несмотря на то, что и Пашичъ, и сербскіе дипломаты въ Петроградѣ, Парижѣ и Лондонѣ, и сербская главная квартира не переставали обращать вниманіе своихъ союзниковъ на угрожающую Сербіи опасность со стороны Болгаріи. Дипломаты четверного согласія только посмѣивались надъ сербами, надъ ихъ наивностью. Нѣкоторые изъ нихъ упрекали сербовъ въ преувеличеніи опасности и въ склонности видѣть врага тамъ, гдѣ его, можетъ-быть, нѣтъ.

Когда въ Болгаріи была объявлена мобилизація, въ Сербіи сразу почувствовали неминуемую катастрофу и старались убѣдить въ этомъ представителей своихъ союзниковъ, прося о своевременной помощи. Дипломаты отмалчивались .. Когда же сербская главная квартира пожелала своими средствами спасти страну и устами Пашича предложила разрѣшить части сербскихъ войскъ вторгнуться въ Болгарію и помѣшать мобилизаціи и концентраціи болгарскихъ войскъ, дипломаты встревожились...

— Что вы хотите сдѣлать!... Мы старались вотъ уже болѣе года втянуть Болгарію въ войну противъ Турціи, а вы хотите все испортить...

— Ни съ мѣста,—таковъ былъ отвѣтъ, данный Пашичу.—Болгарія съ нами Она у насъ въ карманѣ. Еще нѣсколько дней, и болгарскія пушки начнутъ разрушать чаталджинскія позиціи... Вы охраняйте сѣверный фронтъ, а печаль объ южномъ фронтѣ предоставьте намъ.

Дипломаты сидѣли въ Нишѣ и ждали момента, когда до ихъ ушей донесется грохотъ болгарскихъ пушекъ, расчищающихъ согласію путь въ Константинополь.

Но, наконецъ, совершилось... Болгарскія войска вторгнулись въ предѣлы Сербіи.

Представители союзниковъ говорили Пашичу:

— Виноваты, мы ошиблись! Вы были правы.

— Быть-можетъ, — отвѣтилъ Пашичъ. — Но мы погибаемъ и ниоткуда нѣтъ помощи!...

— Будетъ помощь!—заявили дипломаты.—Только бы вамъ продержаться дней 15.

— 45 дней продержимся,—сказалъ Пашичъ,— была бы лишь дѣйствительная и своевременная помощь.

Вмѣстѣ съ тѣмъ дипломаты просили Пашича предоставить имъ перевозочныя средства, чтобы выбраться изъ Ниша. Нишу угрожала опасность,— болгарская граница въ нѣсколькихъ десяткахъ километровъ.

* * *

Наступившее послѣ разгрома австрійской арміи въ декабрѣ 1914 года затишье сербами было использовано для реорганизаціи арміи. Къ моменту нашествія на Сербію войскъ двухъ центральныхъ имперій и одного королевства въ странѣ было всего вдоволь. Армія была снаряжена лучше, чѣмъ въ началѣ первой балканской войны, да и численно она возросла.

Сѣверная Сербія эвакуирована... Тамъ все разрушено,—тамъ война ведется съ самаго ея начала. Были только два города—Нишъ и Скопье въ глубокомъ тылу,—въ 200 верстахъ отъ австро-германскаго и въ 70 верстахъ отъ болгарскаго фронта. Въ этихъ городахъ были сосредоточены главные склады провіанта, аммуниціи, вооруженія и снаряженія. Въ Нишѣ и въ Скопьѣ бился пульсъ политической, культурной и экономической жизни страны. Здѣсь было сосредоточено все богатство страны, все національное достояніе, здѣсь былъ расквартированъ Бѣлградъ со всей сѣверной Сербіей.

Многочисленный врагъ окружилъ Сербію съ четырехъ сторонъ и быстро смыкалъ кольцо. Фронтъ сербскій былъ почти въ 1.500 километровъ,—а сербская армія насчитывала всего 250.000 штыковъ.

По совѣту союзниковъ, сербская главная квартира задержала на болгарскомъ фронтѣ нѣсколько десятковъ тысячъ солдатъ. Главныя же силы были на сѣверномъ фронтѣ противъ германо-австрійскихъ войскъ. Вслѣдствіе этого, болгары въ нѣсколько дней захватили желѣзнодорожную линію, связывавшую Нишъ съ Салониками, завладѣли Скопьемъ и подошли къ Нишу.

Такимъ образомъ, сербская армія оказалась безъ тыла, безъ желѣзнодорожной линіи. Снабженіе арміи провіантомъ и аммуниціей стало невозможнымъ.

Дожди шли безпрерывно. Рѣки вышли изъ русла. Дороги размякли. Армія начала голодать...

Подъ натискомъ враговъ все потянулось съ периферіи къ центру, къ западной Моравіи. Что можно было и что успѣли спасти, свозилось на линію Крушевацъ—Чачакъ.

И вотъ на пространствѣ 50 километровъ оказались: правительство, главная квартира, дипломатическій корпусъ, больные, раненые, бѣженцы, арміи.

Здѣсь было сконцентрировано, что успѣли спасти. А спасти удалось очень мало. Остальное взрывалось и предавалось огню. Какъ тяжело было смотрѣть и участвовать въ уничтоженіи столѣтіями собиравшихся національныхъ богатствъ! Культурное пріобрѣтеніе цѣлаго племени уничтожалось... Благосостояніе цѣлаго народа сжигалось...

Осталась лишь одна забота—о дѣтяхъ и женщинахъ. Болгары не щадятъ ни тѣхъ, ни другихъ

Нѣмцы также пощады не знаютъ, а австрійцы рады отомстить за пораженія прошлаго года.

Но какъ и куда спасать беззащитныхъ отъ жестокаго врага?...

Быть-можетъ, найдется великій художникъ, который пойметъ и опишетъ тотъ сверхчеловѣческій героизмъ, который проявилъ сербскій народъ. Быть-можетъ, этотъ великій психологъ-художникъ поможетъ проникнуть въ душу серба, беззавѣтно сражавшагося за свою родину и ничего не знавшаго о судьбѣ своихъ ближнихъ...

* * *

Темнѣли кудрявыя облака. Влажный ароматъ сосны наполнялъ воздухъ. Вѣтеръ пробѣгалъ по кустамъ, какъ бы разсказывая имъ, что гибнетъ народъ, гибнетъ цѣлое племя. И уносился дальше .. И какъ хотѣлось унестись вмѣстѣ съ нимъ.

Утро 11-го октября застало меня въ городѣ Кладовѣ. Австрійцы переправились въ Текію. Объ этомъ мы узнали отъ обезумѣвшей толпы, сбѣгавшейся къ Дунаю изъ окрестныхъ селъ и деревень. Толпа кинулась къ водѣ. Буйные валы разливавшагося Дуная понесли нѣсколько дѣтскихъ трупиковъ въ неизвѣстную даль... Тысячи глазъ жадно впились въ сторону румынскаго берега, въ

сторону Турнъ-Северина, мирно и спокойно просыпавшагося отъ пріятнаго сна. Крики о помощи, мольбы о спасеніи, о милосердіи и плачъ матерей, судорожно прижавшихъ къ груди трепещущія тѣльца запуганныхъ птенцовъ, видимо, не доходили до румынскаго берега. Тамъ, по ту сторону Дуная, все спокойно...

Надъ толпой разрывается австрійская, а, быть-можетъ, и германская шрапнель. Наши отряды близко подошли къ Кладову. Скоро отойдемъ отъ города. Врагъ многочисленъ, а насъ немного. Со всѣхъ сторонъ доносятся душу раздирающіе крики. Сыплются проклятія. Убитыхъ бросаютъ въ воду, раненыхъ относятъ въ сторону. Толпа обезумѣла...

Что-то большое и черное показалось на водѣ... Подплыли румынскіе пароходы. Толпа хлынула къ нимъ. Началась борьба за жизнь... И вмѣстѣ съ тѣмъ вырвался вздохъ облегченія. Румыны спасли беззащитныхъ нашихъ родныхъ и близкихъ...

Отходя отъ города Кладова, мы плакали. Это были слезы благодарности за проявленное участіе.

Спасибо румынамъ!

* * *

По пути въ Албанію я узналъ, что румыны сердечно отнеслись къ сербскимъ бѣженцамъ. Образовали комитетъ помощи. Посыпались обильныя

пожертвованія.. А бывшіе сербскіе союзники? А тѣ греки, которые, какъ сказалъ Венизелосъ въ своей послѣдней парламентской рѣчи, за свои территоріальныя приращенія должны быть благодарны исключительно сербамъ,—какъ они приняли сербскихъ бѣглецовъ, кормильцы которыхъ проливали кровь во славу и величіе Греціи?

Греки отказались принять сербскихъ бѣглецовъ. Тѣхъ, кто, можно сказать, ворвался къ нимъ насильно или оказался на ихъ территоріи въ моментъ нашествія на Сербію, германо-австро-болгарскихъ полчищъ, они довели до отчаянія. Мало того, что греки не оказали матеріальной помощи бѣглецамъ, они лишили ихъ того, что у нихъ было: десятидинаровую сербскую бумажку, равноцѣнную десяти драхмамъ, приравняли къ четыремъ драхмамъ. Въ дома бѣглецовъ не пускаютъ. Если сдавали квартиры, то требовали деньги за полгода впередъ. А цѣны на квартиры и предметы первой необходимости подняли на 200—250%! Сербскимъ сиротамъ, оставшимся безъ родины и защитниковъ, не давали покоя своими гнусными предложеніями. Дочь воеводы Мишича, очутившись въ Леринѣ, жаловалась намъ на мобилизованныхъ греческихъ офицеровъ и солдатъ, не дающихъ покоя сербскимъ женщинамъ. Доходило до насилій...

* * *

Историческая Библиотека

Подходимъ къ гор. Заіечару. Кругомъ обступаютъ насъ жуткими черными группами старыя деревья. Холодно въ воздухѣ, холодно и на душѣ. На противоположной сторонѣ, на горѣ, болгарская батарея обстрѣливаетъ путь Счастливо проходимъ опасное мѣсто. Входимъ въ городъ. Цвѣтущій, богатый, жизнерадостный Заіечаръ пустъ и безобразенъ. Въ городѣ штабъ нашей арміи и штабъ дивизіи. Въ нѣсколькихъ километрахъ идетъ кровопролитное сраженіе съ болгарами. Пушки грохочутъ, охаютъ. Пулеметы трещатъ. Небо горитъ... Вдругъ все затихаетъ и доносится глухое и протяжное: а-а-а!

— Атака,—сразу пронеслось въ сознаніи.

На войнѣ самое ужасное, самое страшное, это—ночныя атаки. Особенно онѣ ужасны для тѣхъ, кто находится близъ линіи огня и не знаетъ что творится „тамъ“. Ежеминутно, съ замираніемъ души, ждешь отвѣта: кто побѣдитъ? А вдругъ прорвутъ цѣпь...

Снова затрещали пулеметы, заохали орудія, защебетали ружья. Слава Богу, значитъ, болгары атакованы и отбиты.

Мимо меня медленно проходитъ дивизіонный обозъ. Погонщики лошадей и воловъ — женщины и подростки.

— Не страшно?—обращаюсь къ одной женщинѣ лѣтъ 35-ти.

— Нѣтъ, привыкла! Да и что страшнаго? Разъ

человѣкъ умираетъ, не все ли равно, гдѣ умереть—здѣсь или дома? Изъ нашего дома погибли уже восемь человѣкъ!... Сербія погибаетъ, и я погибну.. Жить безъ родины и близкихъ, нищей и бездомной—зачѣмъ?...

Обозъ прошелъ, поскрипывая несмазанными колесами.

* * *

Командующему арміей ген. Гойковичу и начальнику штаба Драгутину Димитріевичу разсказываю подробно объ эвакуаціи Краины.

— Понимаете ли вы,—обращается къ намъ генералъ,—я, можно сказать, родился въ казармахъ и всю жизнь провелъ въ нихъ, но никогда не думалъ, что нашъ солдатъ, нашъ дивный крестьянинъ, обладаетъ такой чудной, геройской душой. Вотъ вамъ примѣръ изъ бѣлградскихъ событій. Небольшой отрядъ солдатъ вмѣстѣ съ сотней-другой жандармовъ, что они натворили! Ни несчетное множество вражескихъ пулеметовъ, ни десятки непріятельскихъ аэроплановъ, бросавшихъ бомбы въ группы нашихъ солдатъ, не могли ихъ прогнать съ улицъ Бѣлграда. Они перебѣгали съ одного угла къ другому, стрѣляли, въ штыки бросались, но не отходили. Легли всѣ, но дорого продали свою жизнь. Шумадинская дивизія сегодня

ночью выдержала 14 атакъ, а вчера лишь подоспѣла съ бѣлградскихъ позицій. Шесть дней люди не ѣли горячей пищи, да и хлѣба почти не имѣли. Сидятъ въ окопахъ по горло въ водѣ и на отдыхъ отойти не хотятъ... „Успѣемъ!“—только и слышишь... Да вотъ окружили насъ со всѣхъ сторонъ... Какъ комокъ снѣга, зажатый въ ладонь, постепенно таемъ... Что-то будетъ?

— Вотъ возлѣ Пожаревца нѣмцы пустили газы. Они ждали обычнаго эффекта. А нашъ-то „мужичекъ“, не имѣя масокъ, завернулъ голову шинелью и легъ въ окопъ. Когда ядовитый дымъ прошелъ, раздалось громовое „ура“, и нѣмцы въ паникѣ побѣжали... Кто куда. Тысячи нѣмецкихъ труповъ лежали на поляхъ, окружающихъ Пожаревацъ.

— Возлѣ Младенцова,— продолжалъ генералъ,— нѣмцы окружили одну изъ нашихъ дивизій и захватили было 23 орудія. Подошелъ лишь одинъ баталіонъ изъ полка, считавшагося худшимъ въ нашей арміи. Послѣ 75-километроваго марша, съ пѣснею, не отдыхая, бросился онъ на врага. Что тутъ было, пусть разскажутъ нѣмцы... Орудія отобраны обратно, дивизія освобождена изъ нѣмецкихъ когтей. Велъ баталіонъ маіоръ Белимарковичъ.

— А сколько еще подобныхъ примѣровъ неслыханнаго геройства, самопожертвованія и выносливости! Но все это не поможетъ намъ! Слишкомъ насъ мало, а фронтъ—въ 1.500 километровъ!

— Вотъ подите и взгляните на двухъ несчастныхъ дѣвочекъ-малютокъ, которыхъ подобрали развѣдчики и доставили въ штабъ. Деревня пустая, живой души нѣтъ. Всѣ убѣжали въ надеждѣ гдѣ-нибудь спастись. Только голодная скотина да вотъ эти двое малютокъ бродили по улицамъ, плакали, кого-то звали... Кого звали? Отецъ погибъ, мать тифъ скосилъ. Круглыя сиротки Много сиротъ у насъ... Всѣ мы—сироты, и Сербія наша, родина наша,—сирота. Взываетъ о помощи, а кругомъ никого нѣтъ, некому услышать зовъ... Брошена...

— Не пропадемъ!.. Не пропадемъ потому, что честно живемъ, потому, что честно, до конца, выполняемъ свой долгъ. Пьемъ чашу испытаній молча, безъ ропота...

Генералъ опустилъ голову. На звѣздѣ Карагеоргіевича съ мечами, украшающей грудь героя-генерала, заблестѣла крупная слеза...

Я и подполковникъ Димитріевичъ безшумно вышли изъ кабинета генерала.

* * *

Болгары смѣнили дивизію, сражающуюся съ нами. Нашли, что она дерется плохо.

Привезли плѣнныхъ болгаръ, среди нихъ—много офицеровъ.

Плѣнные охотно вступаютъ въ разговоры. Всѣ знаютъ, что и Россія объявила имъ войну. Но это ихъ мало-трогаетъ.

— И съ русскими будемъ драться, —заявляютъ плѣнные, —разъ это нужно будетъ и разъ насъ поведутъ противъ русскихъ. Война — безъ чувствъ и сентиментальности. Съ нѣмцами намъ выгодно идти, и мы съ ними идемъ!

Когда я вступалъ въ бесѣду съ плѣнными болгарами, мнѣ хотѣлось, чтобы тутъ возлѣ меня были петроградскіе гласные и негласные болгарофилы, чтобъ они лично убѣдились въ томъ, какъ думаетъ и разсуждаетъ подлинный болгаринъ, въ сѣрой русской шинели! Почему ихъ нѣтъ? Почему не пріѣхали славянофилы, любители затрапезныхъ бесѣдъ, разглагольствованій и вотированія резолюцій? А было бы чему имъ научиться и во многомъ имъ пришлось бы разочароваться.

И затѣмъ „македонствующіе“, гдѣ они? Пришли бы и посмотрѣли на вооруженную Македонію, которая защищается отъ болгаръ-„освободителей“. Они увидѣли бы, какъ македонское населеніе бѣжитъ передъ болгарскими войсками, безпощадно уничтожающими все, что попадется. Македонскіе отряды, которые почти исключительно состояли изъ македонцевъ, дрались, какъ львы!

Все населеніе Македоніи было вооружено, но не подняло возстанія. А возможность была. Вы ска-

жете: мы заблуждались! Да, но ваше заблужденіе погубило цѣлую націю, цѣлое племя. Потому что вы не хотѣли посмотрѣть прямо въ глаза истинѣ ..

* * *

Солнце уже сѣло. По обѣимъ сторонамъ дороги —высокія горы. Сосновый лѣсъ шумитъ протяжно.

Глубокая безконечная тоска охватывала сердце, когда я проѣзжалъ по Шумадіи, направляясь въ главную квартиру по порученію штаба арміи. И покинутыя села и деревни, и молчаливыя поля и горы какъ будто о чемъ-то говорили, о чемъ-то предупреждали...

Чувство тоски усиливалось при взглядѣ на расположенныя по обѣимъ сторонамъ могилы, на которыхъ были наскоро склоченные деревянные кресты. Могилы тянулись иногда верстами, то въ-одиночку, то группами. Это—могилы воиновъ. Много могилъ бѣженцевъ. На нѣкоторхъ еще цѣлы были цвѣты, положенные любящей рукой.

Шелъ проливной дождь, когда я подъѣхалъ къ городу (на западной Моравѣ), гдѣ находилась главная квартира. Кругомъ города—лагерь бѣженцевъ изъ Бѣлграда, Смедерева (сѣвера Сербіи) и изъ Коссова, Скопья (юга Сербіи). Они встрѣтились, убѣгая отъ нѣмцевъ и отъ болгаръ. Ютятся подъ открытымъ небомъ. Ихъ—десятки тысячъ. Ни дровъ, ни хлѣба нѣтъ въ городѣ. Голодъ и холодъ...

Улицы полны народу. Линія желѣзной дороги завалена. Здѣсь аммуниція, пушки, ружья, реликвіи, архивы,—словомъ, все богатство народа свезено сюда. Дальше везти некуда. Кругомъ врагъ, который тѣснитъ къ Албаніи.

Въ главной квартирѣ, которая пріютилась въ какомъ то приземистомъ домикѣ,—тишина.. Точно покойникъ въ домѣ или тяжело больной. Немноголюдно... Лица у всѣхъ нервныя, исхудалыя, грустныя...

Рѣшали вопросъ, что дѣлать дальше? Союзники не поспѣли и, видимо, не поспѣютъ. Бороться ли до послѣдней капли крови здѣсь, на Моравѣ, или же спасать армію, спасать націю отъ полнаго разгрома?

* * *

Отступаетъ армія въ ужасныхъ условіяхъ по тремъ путямъ. Дороги размякли. Еле-еле могутъ разъѣхатся двѣ телѣги,—такова ихъ ширина.

Подходятъ войска къ Нишу. Городъ пустъ, только вокругъ больницы многолюдно. Это больные и раненые герои, которыхъ покидаютъ, потому что некуда ихъ везти. Они вышли взглянуть, быть-можетъ, въ послѣдній разъ на родную армію, на боевыхъ товарищей. Плачутъ.. Молча проходили мимо нихъ. Страшно, больно и стыдно взглянуть имъ въ глаза, полные ужаса и безысходной тоски.

* * *

Идемъ долиной Ибра. Было раннее утро. По дорогѣ догоняемъ группу крестьянъ-стариковъ, направляющихся въ церковь. Тутъ поблизости находился монастырь Студеница, въ которомъ покоятся мощи короля сербскаго Стефана Неманича Мироточиваго. У дороги на камнѣ сидитъ красавица-дѣвушка въ нарядномъ національномъ костюмѣ. Старики шепчутъ намъ: „Эта дѣвушка—Мила-ясновидящая. Она изъ нашей деревни".

Лицо у дѣвушки спокойное, умное. Глаза голубые, глубокіе, задумчивые.

Дѣвушка встала и спокойнымъ мелодичнымъ голосомъ спрашиваетъ старцевъ:

— Вы куда, братья?

—Мы въ монастырь, Мила, помолиться нашимъ святителямъ за нашу армію, за нашихъ защитниковъ,—отвѣтилъ одинъ изъ крестьянъ.

— Вернитесь, братья, домой! Незачѣмъ идти въ монастырь. Святителей нашихъ тамъ нѣтъ. Они всѣ съ нашей арміей. Они охраняютъ наше войско!

* * *

Да, Богъ хранилъ сербскую армію. Несмотря на всѣ кровопролитныя сраженія, на понесенныя нами потери, изъ строя сербской арміи выбыло немного.

Напротивъ, нашъ непріятель понесъ значительныя потери. Болгары сами признаютъ, что въ ноябрѣ ихъ выбыло изъ строя до 150.000 чел.! Нѣмцы заявляютъ, что Бѣлградъ, Смедерево и Пожаревацъ обошлись имъ въ 70.000 человѣкъ.

Нужно было видѣть борьбу возлѣ Лесковца, на Бабунѣ, возлѣ Велеса, въ Качанскомъ ущельи, возлѣ Скопья, на Власинье, выше Ниша, гдѣ босняки, герцеговинцы, далматинцы, хорваты со словенцами показывали чудеса храбрости! Одна бригада юго-славянъ, австрійскихъ бѣженцевъ, удерживала двѣ болгарскія дивизіи и отступила только тогда, когда было приказано отступать.

Были случаи, когда калѣки-офицеры на лошадяхъ врывались въ болгарскіе окопы впереди своихъ батальоновъ. Сербскіе солдаты и офицеры зубами вытаскивали болгаръ изъ окоповъ. Было то, чего не знаетъ, не помнитъ ихъ древняя вѣковая исторія.

Сербы могутъ насчитать десятки одержанныхъ побѣдъ. Если бы не фронтъ въ 1.500 кил., если бы не необходимость бороться на четыре стороны и перебрасывать отдѣльные батальоны то на югъ, то на сѣверъ Сербіи,—то неизвѣстно еще, какъ бы кончилась кампанія для полчищъ, нахлынувшихъ на Сербію.

* * *

Наступала ночь, когда Н—ская дивизія была у подножія горы Копаоникъ. Сербіи больше не было... Передъ сербами Коссово поле, то Коссово поле, гдѣ они 500 лѣтъ тому назадъ такъ славно боролись за свою свободу, свою независимость. Вдали виднѣется покрытая вѣчными снѣгами Шаръ-Планина, а справа возвышаются непроходимыя албанскія горы.

Подъ стройными соснами расположились сербскіе воины. Ярко вспыхиваютъ огни разведенныхъ костровъ. Воцарилось торжественное молчаніе. И кажется, сосны на полянѣ и луна на небѣ ждутъ чего-то...

Тутъ расположилась на отдыхъ пѣхотная дивизія. Здѣсь и высшіе офицеры, и профессоры, авдокаты, студенты, врачи и чиновники, крестьяне и рабочіе, дряблые старики и безусая „зеленая“ молодежь. Всѣ вооружены.

Писатель У. смотритъ въ сторону Сербіи, которую отъ нашихъ взоровъ скрывалъ Копаоникъ. Надъ соснами и дубами, надъ скалами и утесами поднимается раздирающая душу пѣсня:

„Прощай, мать-родина дорогая,
Прощай Сербія родная!“...

У. поетъ. Его глаза полны слезъ... Они хотятъ разрѣзать Копаоникъ, чтобы въ послѣдній разъ взгляуть на Сербію, утопающую въ крови и погибающую въ огнѣ

Воины вздрогнули и безшумно опустились на колѣна. Близко-близко приникли другъ къ другу вокругъ пѣвца и сами поютъ съ тоской и благоговѣніемъ.

И стройныя сосны, вѣковые дубы, и луна въ небѣ, и помятая мокрая трава,—все чутко внимаетъ...

Замолкла пѣснь... Отъ земли до небесъ простерлось рыданіе, разнесся плачъ. То былъ плачъ погибающаго сербскаго народа. Люди срывали съ себя одежду; какъ безумные, горячо цѣловали землю и камни, а съ ними—покидаемую родину, дорогихъ родныхъ и близкихъ, оставленныхъ на милость враговъ.

* * *

На Коссовѣ, у Качаникскаго ущелья, почти мѣсяцъ идетъ неслыханное кровопролитное сраженіе съ болгарами. Двѣ болгарскія дивизія бѣшено атакуютъ сербовъ, желая прорваться на Коссово со стороны Скопья, чтобъ окружить сербскую армію и не дать ей возможности отступить въ Албанію.

Трехтысячный отрядъ ген. Боіовича почти мѣсяцъ не выходитъ изъ окоповъ. Самъ полководецъ, по обыкновенію, все время на позиціяхъ.

Онъ со слезами разсказываетъ, какъ отрядъ герцеговинцевъ-добровольцевъ подпускалъ болгар-

скіе полки на пятнадцать метровъ, открывалъ убійственный огонь, бросался въ атаку, опять возвращался въ окопы, имѣя передъ собою сотни болгарскихъ труповъ и нѣсколько раненыхъ въ своихъ рядахъ.

Босно-герцеговинская добровольческая бригада, организованная изъ сербо-хорватовъ Босніи, Герцеговины, Далматіи, Хорватіи и южной Венгріи, сражалась на болгарской границѣ, на Власинѣ. Объ ея подвигахъ и геройствѣ сложились легенды. Нѣтъ человѣка въ сербской арміи, который бы не восторгался своими несвободными братьями и ихъ отвагой.

Многіе въ Россіи сомнѣвались въ искренности порывовъ юго-славянъ, устремившихся въ Сербію... Славное дѣло на Власинѣ говоритъ само за себя.

На Коссово успѣла спуститься моравская дивизія перваго призыва. Она облегчила задачу генерала Боіовича. Сербская армія почти вся благополучно добралась до Коссова. Въ это время сербскіе союзники уже высадили достаточное количество войскъ въ Салоникахъ.

Сербская главная квартира рѣшаетъ задержаться на Коссовѣ, обрушиться на болгаръ, освободить Скопье и Велесъ, соединиться съ союзниками и такимъ образомъ организовать защиту, имѣя въ рукахъ желѣзнодорожную линію Салоники—Скопье—Митровица.

Планъ былъ таковъ: занять гор. Скопье и Штипъ и окружить всю болгарскую армію, оперировавшую на Вардарѣ. Ибо въ Болгарію вели всего два пути: отъ Скопья черезъ Куманово и Егри-Паланку и отъ Скопья и Велеса черезъ Штипъ.

Армія получаетъ приказъ наступать.

Вокругъ Лесковца разгорѣлось жаркое дѣло. Нѣсколько дней шло кровопролитнѣйшее сраженіе съ болгарами, считающееся единственнымъ по своему ожесточенію въ военной исторіи сербской арміи.

Трудно передать, что тамъ творилось Сербскіе офицеры и солдаты вскакивали въ болгарскіе окопы и буквально выволакивали оттуда болгарскихъ офицеровъ и солдатъ.

Озлобленіе было страшное, небывалое. Оно и понятно. Дѣло въ томъ, что наши передовые отряды не прошли и двухъ километровъ, какъ наткнулись на потрясающую картину:

Десятки сербскихъ офицеровъ и сотни нижнихъ чиновъ, изрубленные на куски, были свалены въ одну кучу.

Крестьяне разсказывали:

— Выстроили солдатъ, притащили и насъ съ дѣтьми и женщинами. Привели нашихъ офицеровъ и начали ихъ колоть ножами. А потомъ стали отрѣзать имъ руки, ноги, уши... И все это на нашихъ глазахъ. Мы не въ силахъ были смотрѣть.. Что было дальше—не помнимъ.

Съ сербами не было никого изъ членовъ комиссіи Карнеджи, и поэтому „достовѣрнаго“ протокола не составили.

На откосахъ горъ и въ ущельяхъ—тысячи болгарскихъ труповъ. Болгары, на-голову разбитые, бѣгутъ,—бѣгутъ на всемъ фронтѣ... Кавалерія наша—въ двухъ километрахъ отъ Скопья, которое болгары эвакуировали, но... пришлось отойти назадъ. Германо-австрійскія войска появились въ Новобазарскомъ санджакѣ со стороны Босніи и угрожаютъ отрѣзать путь въ Черногорію и Албанію.

На Бабунѣ, надъ Велесомъ, полковникъ Душанъ Васичъ показалъ чудеса храбрости. У него былъ тамъ одинъ полкъ, который съ марта, послѣ нападенія болгаръ на Валандово, охранялъ желѣзнодорожную линію отъ Струмицы до Велеса, да еще тысячи двѣ чиновниковъ, судей, учителей и горожанъ, которыхъ онъ собралъ, далъ ружья и отправилъ на Бабуну. Были, правда, у него еще два орудія, такъ-называемыя „дебанжевыя“, — старыя-престарыя.

Борьба на Бабунѣ и защита Битоля до послѣдняго момента, это—эпопея въ сребской исторіи. Васичъ со своимъ отрядомъ былъ совершенно изолированъ отъ остальной сербской арміи. Шаръ-Планина непроходима, а путь отъ Кочаника на Тетово, Гостиваръ и Битоль давно уже былъ отрѣзанъ болгарами.

Васичъ завоевалъ Битоль и славно его защи-

щалъ. Онъ ручался взять Штипъ съ небольшимъ подкрѣпленіемъ артиллеріей и пѣхотой.

Но ни мы, ни союзники, которые были южнѣе, не могли оказать ему помощи.

Планъ поэтому не удался. Проиграли время...

* * *

Отступая къ Приштинѣ, сербы несутъ съ собою трупы героевъ, павшихъ возлѣ Лесковца. Много среди нихъ оберъ-офицеровъ, но не мало и штабъ-офицеровъ.

Братская могила вырыта. Дивизія обнажила головы... Служитъ полковой священникъ, сѣдой высокій старикъ.

Тихій, проникающій въ душу голосъ... Мощный всенародный хоръ.

Смотрю на вооруженный сербскій народъ. Строгія, сосредоточенныя, точно застывшія лица... На нихъ — рѣшимость бороться до послѣдней капли крови, терпѣть до послѣдней возможности...

Безпредѣльнымъ сѣрымъ шатромъ раскинулось небо надъ головами молящихся.

„Со святыми упокой, Христе, души рабовъ Твоихъ“,—доносится до ушей.

Всѣ опустились на колѣни. Всѣ неподвижны, съ поднятыми кверху глазами. Плачутъ...

Гдѣ-то вдалекѣ безпрерывно гудитъ артиллерія... Идетъ сраженіе...

Замолкъ голосъ священника, замерла молитвенная пѣснь воиновъ.

Водрузили крестъ. Накрыли головы .. А затѣмъ— немедленное отступленіе въ Албанію...

* * *

Вотъ какъ боролась сербская армія съ во много разъ превосходившимъ ее врагомъ. Боролась геройчески, отстаивая каждую пядь родной земли и обильно поливая ее кровью... Армія вѣрила въ побѣду и ожидала обѣщанной помощи...

Сербское правительство получило завѣреніе своихъ союзниковъ. что 26-го октября дѣйствія всѣхъ союзныхъ войскъ дадутъ себя почувствовать на сербскомъ фронтѣ... „День-другой продержитесь,— говорятъ сербамъ,—и по Вардару поднимется лавина союзниковъ, которые концентрируются въ окрестностяхъ Салоникъ“...

Сербы борются и ждутъ...

Проходитъ 26 октября, а помощи нѣтъ. Говорятъ,—союзники все концентрируются...

— Потерпите до 8 ноября; помощь будетъ обязательно,—обѣщаютъ сербамъ.

Но помощи такъ и не было, и измученной, голодной

сербской арміи пришлось отступать съ кровопролитными боями, ибо грозила опасность быть окруженными.

Сербы все-таки продолжали вѣрить, все чего-то ждали...

Сербская армія уже спускалась на Коссово поле.

* * *

Во время отступленія сербская армія узнала, что Савинскій остался въ Софіи по болѣзни, что его посѣтилъ Фердинандъ болгарскій и имѣлъ съ нимъ бесѣду, что русскій консулъ Н. И. Стребулаевъ тоже остался въ Скопье.

Что все сіе обозначаетъ?— спрашивали себя сербы.

Негодованія не было, господствовало равнодушіе...

Сербо-хорваты сознаютъ, что, если завтра болгары прогонятъ своего Фердинанда и перейдутъ на сторону союзниковъ и Россіи,— ихъ примутъ съ распростертыми объятіями и скажутъ:

— Заблудшій сынъ!...

И дадутъ болгарамъ все, чего бы они ни пожелали, и даже то, на что они никогда и правъ не имѣли.

Исторія тому свидѣтельница.

* * *

Жестока судьба сербовъ.

Отступая къ Коссову, армія получила приказъ — Раненыхъ товарищей не подбирать!...

Тамъ, на Коссовѣ, нѣтъ городовъ, негдѣ помѣстить, нечѣмъ кормить больныхъ и раненыхъ. А впереди—отступленіе въ Албанію.

Господи, что это за муки были!..

Кто не былъ на войнѣ, тотъ не пойметъ, что такое боевой товарищъ. На войнѣ люди живутъ, какъ умирающій, пріобщившись Св. Таинъ наканунѣ смерти. Братъ родной не такъ дорогъ, не такъ близокъ, какъ боевой товарищъ.

Взглядъ, проникающій въ душу, умоляющій, безпомощный сопровождаетъ васъ. Вы отходите, бросаете друга, сознавая, что онъ будетъ приколотъ безжалостной рукой врага. Армія это знала, она это реально осязала..

* * *

...Вѣтеръ становится все свѣжѣе... Бушуетъ снѣжная буря.... Холодно...

Заря уже давно потухла. Кругомъ стемнѣло и

только вдали замѣтны очертанія албанскихъ горъ. Туда ведетъ путь сербовъ... А тамъ...

Коссово поле! Площадь земли длиною въ пятьдесятъ километровъ, а сколько страданій она видѣла! Пятьсотъ лѣтъ тому назадъ здѣсь была уничтожена, раздавлена физическая сила сербской расы и рождено страданіе, муки, слезы, рабство и...

Съ вѣтромъ доносятся стоны колокола съ Грачаникскаго монастыря... Навѣрное, благочестивые старцы возносятъ Богу молитвы о спасеніи родины... А, быть-можетъ, это невидимая рука ударяетъ въ колоколъ, хочетъ заглушить стоны тысячъ безпомощныхъ, беззащитныхъ женщинъ и дѣтей, тщетно молящихъ о хлѣбѣ и теплѣ... Къ чему звонъ? Никакого зова не слышно... Не бойтесь, не затыкайте уши... Сербскій народъ истекаетъ кровью, страдаетъ, умираетъ молча, безъ проклятій и укоризны...

Темно... Сотни и тысячи труповъ валяются по дорогѣ... Армія на нихъ наступаетъ, спотыкается... Это сербскія матери, сестры, жены, сербскія дѣти, сербскіе птенцы, сербская утѣха, надежда...

Вся сербская армія на Коссовѣ... Здѣсь болѣе ста тысячъ бѣженцевъ...

Нѣкоторые солдаты и офицеры встрѣтились со своими семьями. Большинство же не знаетъ, что съ ихъ близкими, гдѣ они, живы ли... Несчастные бѣжали сюда, а дальше идти не хватило силъ... Умираютъ голодной смертью на глазахъ голодной арміи...

Въ Призренѣ и въ Митровицѣ много турокъ, фанатично настроенныхъ. Они готовятся къ рѣзнѣ мирнаго населенія при приближеніи къ городамъ болгарскихъ полчищъ. Всѣ сознаютъ это, чувствуютъ. Но что дѣлать? Многіе забрали съ собою малолѣтнихъ мальчиковъ, а грудныхъ дѣтей съ матерями оставили на милость враговъ.

Подходитъ ко мнѣ полковникъ Н.

— Вѣдь болгары—не звѣри?.. Нѣмцы вѣдь тоже культурные... Не будутъ же они, я думаю, убивать дѣтей, насиловать женщинъ. Къ чему имъ это? А гдѣ моя семья, гдѣ мои дѣти? Что съ ними, живы ли они, есть ли у нихъ хлѣбъ?... Скажите, вы не знаете, что съ ними?..

Силъ не было слушать и смотрѣть. Хотѣлось бѣжать, но куда сбѣжишь?

* * *

На Коссовѣ среди бѣженцевъ—измученные душою и тѣломъ профессора университета, литераторы, художники, писатели,—вся уцѣлѣвшая интеллигенція...

Бѣгутъ... Вѣдь ихъ убьютъ враги, если они не спасутся. Ужасъ застылъ на ихъ лицахъ. Взглядъ блуждающій, ненормальный... Проф. Беличъ, Цвіичъ, Стояновичъ, Станоевичъ, министръ Генчичъ—молчатъ, рыдаютъ...

Спаслось въ Грецію и въ Италію всего около десяти тысячъ человѣкъ. Вся остальная волна бѣженцевъ осталась на Коссовѣ...

Изъ тысячи слишкомъ студентовъ Бѣлградскаго университета, призванныхъ на военную службу въ прошломъ году, произведено въ офицеры не болѣе двухсотъ человѣкъ...

Гдѣ же остальные?... Ихъ молодая кровь обильно залила поля родной страны...

Что будетъ дальше?..

Смотримъ по сторонамъ... Группа солдатъ и бѣженцевъ обступила разлагающуюся павшую лошадь, рвутъ на куски и ѣдятъ... Нѣсколько плѣнныхъ рвутъ на части собаку и кладутъ въ свои миски... Тутъ же дѣтскіе „скелеты“... Копошатся на кучѣ навоза, отыскиваютъ кости и обсасываютъ ихъ...

Зажиточный сербскій крестьянинъ, сербскій воинъ, беззавѣтно, геройски проливший свою кровь, прикладомъ ружья разбиваетъ черепъ павшей лошади, вытаскиваетъ мозгъ и ѣстъ...

Вотъ чего дождалось, вотъ какъ заканчивало борьбу за свободу своего племени сербское крестьянство!...

* * *

Великій грѣхъ на душу и тяжкую отвѣтственность передъ исторіей взяла на себя интеллигенція всего міра, допустивъ, чтобы погибла страна

мужиковъ, страна демократовъ,—подлинно и глубоко-демократическая Сербія.

Вѣдь въ Сербіи нѣтъ ни графовъ, ни князей, ни бароновъ, ни дворянъ, а есть одно крестьянство.

Король, первый министръ, вождь арміи, генералы,—всѣ они—дѣти сербской деревни.

Въ демократизмѣ сербовъ кроются причины ихъ сверхчеловѣческой стойкости и храбрости.

Свобода воспитала въ сербахъ любовь къ родинѣ, патріотизмъ, геройство.

Сербъ беззавѣтно любитъ свою родину, свою свободу.

Турецкую орду, завоевавшую Балканскій полуостровъ, сопровождали разнаго рода гешефтмахеры: греки, влахи, куцовлахи и др.

Эти господа заняли города. Деревня осталась нетронутой, чистой. И вотъ, когда, сто лѣтъ тому назадъ, сербскій пастухъ—дѣдъ короля Петра—возсталъ, поднялъ деревню, крестьянскую Сербію-противъ угнетателей-турокъ и когда деревня освободила часть современной Сербіи,—города, въ которыхъ сербовъ не было, сообразили...

Послали своихъ дѣтей въ школы: свободному государству нужна интеллигенція, образованные люди, чиновники...

Деревня была нищей. Она не имѣла возможности давать образованіе своимъ дѣтямъ.

Поэтому первая сербская интеллигенція—не серб-

скаго происхожденія, она была анаціоналистична, апатріотична...

Съ такой интеллигенціей могли работать Миланъ и Александръ, а черезъ нихъ—Австрія и германизмъ.

Деревня страдала, терпѣла, но готовилась. Все вниманіе она обратила на поднятіе своего благосостоянія.

Были потрясенія, междоусобицы, перевороты... До тѣхъ поръ, пока не окрѣпла и не возросла числомъ деревенская интеллигенція.

Такъ какъ деревня оставалась нетронутой, чистой, національной, патріотичной, то она сознавала, какая на ней лежитъ отвѣтственность передъ несвободной частью своего сербо-хорватскаго племени.

Деревенская молодежь устремилась въ военныя академіи. Она пополняла ряды арміи - надежду свободныхъ и несвободныхъ сербо-хорватовъ.

Окрѣпнувъ, сербская интеллигенція заноситъ въ свою исторію 29-е мая 1903 г. Съ этого момента начинается истинно-національная, славянская политика Сербіи. Начинается новая страница въ исторіи сербовъ.

Не проходитъ и десяти лѣтъ—сербскій народъ со своей интеллигенціей вписываетъ въ свою исторію Куманово, Бакарногумно, Битоль, Брегальницу, Црни - Брхъ, Дрину, Саву, Дунай, Космай, Рудникъ, Бѣлградъ...

Много помогъ возрожденію Сербіи престарѣлый герой король Петръ I.

Онъ любилъ народъ, уважалъ законъ. Онъ вѣрилъ народу, который его родилъ. Довѣріе монарха къ народу дало великіе и славные результаты. Имя короля—священно въ народѣ. Онъ—необходимая и неразрывная часть народной души.

* * *

Тутъ же на Коссовѣ армія узнаетъ, что германцы увозятъ изъ страны зерно. Сотни автомобилей-грузовиковъ, нагруженные хлѣбомъ, ежедневно переправляются черезъ Саву и Дунай. Тысячи головъ скота перегоняются въ Германію и Австрію. Уничтожаются лѣса, вырубаются фруктовые сады.

Сербія славилась своими сливами, которыми восторгались въ Россіи, но знали ихъ подъ ярлыкомъ „венгерскихъ“. Сливы — это одна изъ главныхъ статей дохода сербскаго крестьянина и сербскаго государства.

Болгары увозятъ все, что попадается подъ-руку: церковную утварь, обстановку частныхъ лицъ, библіотеки, товаръ изъ магазиновъ и т. д. Изъ города Ниша увезли даже пріютъ сиротъ погибшихъ воиновъ.

На покинутой родинѣ голодъ, эпидеміи... Все

мужское населеніе отъ 15 до 60 лѣтъ угнано германцами въ рудники. Остались дѣти и женщины на милость болгарскаго офицера, австрійскаго жандарма и германскаго комиссара.

Не война, а истребленіе народа, племени...

Враги сербскаго народа цинично заявляютъ, что они къ окончанію войны разбавятъ сербскую „революціонную“ кровь...

Армія реально представляла, какъ насилуютъ, позорятъ сербскую мать, жену, сестру, дочь... Слышенъ былъ ихъ зовъ о спасеніи, мольбы о пощадѣ...

А для серба мать, жена и сестра дороже и выше всего на свѣтѣ. Оно и понятно. Вѣдь не будь сербской матери, сербской женщины, не было бы сербо-хорватскаго племени. Оно было бы лишь историческимъ воспоминаніемъ, ибо пятивѣковое рабство было ужасно, жестоко и непосильно... И, если сербо-хорваты спаслись, если мы видимъ ихъ только-что вставшими на ноги, творящими чудеса и на полѣ брани, и на культурной нивѣ, и во всѣхъ отрасляхъ искусства, то исключительно благодаря только сербской женщинѣ. Она пронесла сербо-хорватское племя сквозь мракъ пятисотлѣтняго рабства И поэтому сербскій народъ въ своемъ эпосѣ, въ своихъ народныхъ пѣсняхъ, по своей красотѣ единственныхъ въ мірѣ, отводитъ первое и почетное мѣсто женщинѣ—матери, женѣ и сестрѣ. Сербъ окружаетъ женщину ореоломъ, украшаетъ звѣздами.

Сербовъ спасло неуниженное самолюбіе женщины, незапачканная ея честь, ненадломленная гордость...

Турки, которыхъ мы почему-то считаемъ насильниками, не знали, что такое „jus primae noctis“, которое украшало жизнь ихъ западныхъ коллегъ—средневѣковыхъ феодаловъ. Турки уважали женщину и не посягали на ея честь.

Источникъ жизни и силы сербской націи—въ деревнѣ, въ женщинѣ.

А теперь?

Если насилія, которыя творятъ стражи германоболгаро - австрійскихъ интересовъ надъ сербской деревней, надъ сербской женщиной, будутъ длительны, — сербскій народъ останется безъ матери... А для сербовъ это—равносильно самоубійству.

И вотъ, сознавая все это, видя свою пропасть при равнодушіи тѣхъ, кто такъ недавно вѣщалъ міру высокіе принципы и идеалы, стоя на границѣ погибаемой родины, семьи, націи,—сербской арміи пришлось рѣшить роковой, тяжелый вопросъ:

—Долгъ или родина, семья, дѣти...

Сербы—такіе же люди, какъ и мы, со всѣми недостатками и достоинствами, присущими людямъ... У нихъ тоже развита любовь къ семьѣ, къ родному очагу, къ родному ребенку. И имъ также присущи чувства жалости, самосохраненія. Сербская нація—нація поэтическая, идеалистическая, сентиментальная...

И умирающій, погибающій голодной смертью сербскій офицеръ, солдатъ, интеллигентъ, крестьянинъ—рѣшаютъ:

—Долгъ...

Тяжело и мучительно бросить, отказаться отъ родныхъ, близкихъ и дорогихъ погибающихъ. И направились остатки сербской арміи, сербскаго народа въ Албанію. Туда, къ Адріатическому морю...

Быть-можетъ, герой долга найдетъ тамъ хлѣбъ, тепло, отдыхъ...

Два года тому назадъ сербская армія, нація рвалась къ тому же морю, тѣми же путями. Тогда она шла за славой и жизнью, а теперь—за смертью...

* * *

Вотъ сербы у подножія албанскихъ горъ, у моста черезъ Дримъ. Дорога кончается... Впереди—непроходимыя горы, черезъ которыя нужно отступать, а тропинокъ нѣтъ. На горахъ—снѣгъ выше колѣнъ, у подножія—грязь до пояса! За десять верстъ до моста свалены горы разнаго богатства. Чего, чего тутъ нѣтъ!

Невдалекѣ группа артиллеристовъ цѣлуетъ своихъ стальныхъ друзей... Плачетъ и рубитъ колеса, заливаетъ кислотами дула, бросаетъ ихъ въ пропасть, въ рѣку... Крестьяне жгутъ свои телѣги,

прикалываютъ измученныхъ воловъ и лошадей. Имъ черезъ албанскія горы не пробраться.

Шоффферы обливаютъ бензиномъ свои автомобили. Откуда ихъ столько набралось?! Ихъ болѣе трехсотъ! Въ воздухѣ распространяется ѣдкій запахъ сжигаемой резины. Дышать нечѣмъ...

Врачи со своими помощниками-санитарами тоже что-то собираются сжигать...

Шумъ, трескъ, точно буря сокрушающая налетѣла..

Офицеры и солдаты бросаютъ въ воду свой скарбъ. Возлѣ каждаго стоитъ ящикъ аммуниціи. Это они вмѣсто хлѣба и одежды понесутъ черезъ албанскія горы.

* * *

Албанія—пустыня. Ни дерева, ни кустика, ни дома, ни селенія... Нечѣмъ утолить голодъ, негдѣ присѣсть и согрѣться .. Воины измучены, истерзаны, изранены... Многіе съ отмороженными конечностями!

Кругомъ—стонъ. Ежеминутно кто-нибудь спотыкается и летитъ въ пропасть. Голова кружится отъ истощенія и переутомленія... По дорогѣ—масса непохороненныхъ труповъ. По этимъ тропинкамъ передъ арміей бѣженцы спѣшили спастись въ Грецію.

Здѣсь же проходили тысячи юношей 16 и 17-лѣтняго возраста, такъ-называемый четвертый призывъ.

Какъ только началось наступленіе на Сербію австро-германо-болгарскихъ полчищъ, немедленно по городамъ и деревнямъ начали собирать этихъ юношей и отсылать въ тылъ. Шли они тысячами, безъ хлѣба, безъ провожатыхъ. Не успѣютъ дойти до мѣста первоначальнаго назначенія, а ихъ уже далѣе посылаютъ. Эта молодежь теперь должна пополнять ряды сербскихъ войскъ.

Проходила часть арміи и бѣженцы черезъ знаменитую когда-то своими разбоями Люму. Говорю: когда-то, потому что албанцы теперь вели себя идеально. Это были лойяльнѣйшіе граждане сербской державы. Они дѣлили съ нами всѣ невзгоды борьбы и отступленія. Всѣмъ, чѣмъ могли, помогали. Тѣ, которые были въ рядахъ арміи, сражались геройски; тѣ же, кто остался дома, исправляли дороги и были погонщиками лошадей въ обозѣ. Въ Дебрѣ они снарядили отрядъ добровольцевъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ и послали на позиціи къ Тетову и Гостивару, чтобы помочь задержать болгаръ и дать возможность части сербскихъ войскъ благополучно спуститься до Эльбасана.

Уже давно нѣтъ хлѣба. Исхудалые люди похожи на тѣни, согнулись, почернѣли... Сотни, тысячи изъ нихъ ежедневно умирали отъ голодной смерти. Уцѣлѣвшіе напрягали послѣднія усилія и шли, вѣря, что союзники къ приходу первыхъ

отрядовъ къ берегамъ Адріатическаго моря припасутъ немного муки и соломы... Къ тому же Валона и Бриндизи — всего въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ мѣста, куда направились наши передовые отряды. Вѣра придавала энергіи, и сербы шли...

Наконецъ, пришли и... застали свои отряды, которые „жевали“ высохшую траву, корни деревьевъ, лавровые листы... Видимо, союзники не успѣли доставить сюда провіантъ! Должно-быть, сербы поторопились навстрѣчу смерти...

Въ Салоникахъ осталось-было нѣсколько десятковъ вагоновъ муки, предназначенныхъ для сербской арміи и не успѣвшихъ проскочить въ Сербію. Сербскія власти въ Салоникахъ немедленно погрузили этотъ провіантъ на судна и послали въ Драчъ (Дураццо). Австрійскій флотъ свободно гулялъ у береговъ Албаніи, и транспортъ съ мукой слѣдовало охранять, сопровождать военными судами союзниковъ. Но союзники „не смогли“ дать охрану, и австрійскіе крейсеры на глазахъ умирающихъ сербскихъ героевъ потопили транспортъ у самаго берега Албаніи.

Сколько дней сербская армія у береговъ Адріатическаго моря ждала хлѣба—я не знаю. Получила ли она вообще хлѣбъ—и этого не знаю... Но знаю одно: сербская главная квартира и правительство ежедневно шлютъ слезныя просьбы о помощи... И на островѣ Корфу сербская армія голодаетъ...

* * *

Сербскіе солдаты расположились группами... Вздохи, слезы, тихое рыданіе людей безъ обуви, безъ одежды, безъ хлѣба... Все износилось при отступленіи по горамъ и скаламъ. Прошли, вѣдь, нѣсколько сотъ верстъ.. Палатокъ нѣтъ, дровъ тоже. Согрѣться негдѣ... Къ берегамъ Албаніи подходятъ остатки сербскаго племени, чтобы здѣсь умереть на глазахъ безучастныхъ, равнодушныхъ,— тѣхъ, кто такъ недавно вѣщалъ міру высокіе принципы и идеалы ..

Сербы отдали все, что имѣли и могли,—душу и тѣло, все принесли въ жертву долгу и принципу. Теперь они забыты и брошены... Но у нихъ нѣтъ мѣста ропоту, нѣтъ мѣста укоризнѣ! ..

Окопы, взрывы минъ, пожарища, обломки орудій и штыковъ и горы мертвыхъ тѣлъ, рѣки слезъ,— все это для того, чтобы счастливо, мирно, свѣтло жили далекіе потомки. Сербы приняли борьбу во имя новой жизни будущихъ поколѣній.

Сербо-хорватовъ больше нѣтъ!.. *Они были...*

* * *

Дулъ свѣжій утренній вѣтеръ. По небу ползли осеннія, тяжелыя облака; солнца не было видно .. Внизу, подъ глубокимъ обрывомъ блестѣлъ Дримъ. Бурлитъ, размываетъ берега...

Мы были въ Люмъ-Кулѣ. Три палатки ея постройки, пограничная стража — ея обитатели... Тоска... хочется убѣжать отъ самого себя... Отдохнуть бы, закрыть глаза. Кругомъ медленно рѣютъ какія-то безмолвныя, тихо плачущія тѣни... Рождаются неясныя воспоминанія, едва брезжутъ въ сумеркахъ утомленной, дремлющей души. Мысли, какъ блуждающіе огоньки, зажигаясь,—гаснутъ, родясь,—умираютъ.

Все вспоминаю погибшую Сербію... Вотъ вспомнились далекіе лѣтніе вечера на Дримѣ... Солнце уплывало за край земли; прекращались полевыя работы. Природа отдыхала. Деревня оживала. Далеко-далеко слышно протяжное женское пѣніе, звонкіе голоса, разговоръ, смѣхъ, звуки скрипки, веселье... Группа молодежи въ красивыхъ живописныхъ костюмахъ веселится, танцуетъ, радуется... Отцы и дѣды довольные смотрѣли на молодежь и въ довольствіи опорожняли бокальчики краснаго вина... Изрѣдка начинали разговоръ о политикѣ, о нуждахъ деревни. Тутъ же учитель и священникъ...

Темнѣло; по небу зажигались звѣзды. Какая-то особенная чуткая тишина обнимала землю. Разошлись по домамъ... Слышна странная музыка—металлическіе удары; это косцы начинали отбивать молотками свои косы, починять телѣги. Гулко отдавался звонъ копытъ несущихся по полю лошадей... Испугались чего-нибудь, а, можетъ-быть,

рѣзвятся... Наконецъ, наступила полная тишина, лишь звѣзды, переливаясь, мигали съ далекаго неба..

Вспомнился Бѣлградъ. Ярко освѣщенныя улицы... Воздухъ наполненъ звуками кипучей жизни. Нарядная, красивая, жизнерадостная, молодая толпа гуляетъ.. Шныряютъ мальчишки, выкрикивая названія газетъ и предлагая публикѣ. Несутся звуки оркестра, слышится пыхтѣніе автомобиля и грохотъ трамвая. Легкій вечерній вѣтерокъ разноситъ по воздуху быстрый говоръ и звуки пѣсни... Вотъ группа офицеровъ—молодыхъ, здоровыхъ; о чемъ-то горячо спорятъ... Ресторанъ... Столикъ „литературной братіи“ обступила публика, — слушаетъ чей-то разсказъ. Весело... Мелькаютъ знакомыя лица, а вотъ и друзья...

Прервала мои воспоминанія команда:

— Встаньте! Король идетъ!..

Старикъ въ сѣрой шинели, съ палкой въ рукахъ, поддерживаемый офицеромъ, медленно взбирается въ гору... Пѣшкомъ на Адріатическое море, черезъ непроходимыя горы, съ передовыхъ позицій, изъ окоповъ...

Великій старецъ земли сербской уходитъ, а за нимъ—остатки сербскаго племени...

— Куда? Зачѣмъ? Что случилось?

Плачутъ солдаты, плачутъ офицеры, — всѣ плачутъ...

Понялъ..

Промелькнули сдѣланныя любящей рукой сербскаго солдата носилки-домикъ. Въ домикѣ—печка и кроватка, а на кроваткѣ неподвижно лежитъ старикъ... Онъ болѣе года не покидаетъ постель. У него сильная астма Медленно движется толпа, носильщики...

— Тише, не поскользнитесь, не оступитесь, не уроните великаго человѣка:

Воеводу Путника...

* * *

Уже смеркалось, и только послѣдніе догоравшіе солнечные лучи, пробиваясь сквозь морскую воду, освѣщали зеленовато-тусклымъ свѣтомъ далекій горизонтъ.

Близко прижался къ морю портъ Драчъ (Дураццо). Онъ глухо гудитъ... Истерзанные остатки сербской арміи ждутъ спасенія, — ждутъ, чтобъ ихъ перевезли на о. Корфу. Ждутъ уже давно,— мѣсяцъ, больше...

Сосѣди, — тѣ, что живутъ по другую сторону Адріатическаго моря, - не торопятся, не перевозятъ... Говорятъ:

— Спуститесь къ Валонѣ. Здѣсь, въ Драчѣ, намъ неудобно васъ посадить...

Взмолились сербы:

— Спасите, не мучайте насъ! Мы устали, измучились, изголодались, съ мѣста сдвинуться не можемъ,—силъ нѣтъ одного шагу сдѣлать, а не то что нѣсколько сотъ верстъ...

Наконецъ, сжалились... Стали перевозить по нѣскольку тысячъ въ сутки.

Врагъ приближался... Всей оставшейся арміи угрожала опасность живьемъ попасться въ плѣнъ. Пришлось расходовать послѣднія силы,—разстрѣлять послѣдніе снаряды, чтобы задержать наступавшія войска генерала Кевеша.

Число людей, перевозимыхъ въ сутки, не увеличивали и кормили ихъ впроголодь.

Сербскій герой—королевичъ Александръ, надежда сербо-хорватскаго племени, на котораго молится вся Югославія, заявилъ:

— Я послѣднимъ покину Драчъ!

Наконецъ, перевезли армію, но она голодаетъ....

* * *

Весь ужасъ сербскаго народа—въ томъ, что уничтожена, стерта съ лица земли не одна Сербія, а всѣ сербскія земли. Участь Сербіи дѣлятъ съ нею ея сестры: Черногорія, Герцеговина, Далматія, Боснія, Хорватія и Сремъ съ Банатомъ и Бачкой.

Въ сербо-хорватскихъ земляхъ Австріи сербо-

хорватовъ больше нѣтъ. Они истреблены, разселены, гніютъ по тюрьмамъ... Старушки-крестьянки очутились на сѣверѣ Австріи и Германіи въ изгнаніи... Въ Арадѣ, крѣпости южной Венгріи, тысячами мретъ арестованная сербо-хорватская интеллигенція. Эпидемія холеры и тифа не прекращается среди несвободныхъ сербо-хорватовъ.

Союзники побѣдятъ. Сербо-хорватскія земли останутся на своемъ мѣстѣ, но въ нихъ не будетъ, можетъ быть, сербо-хорватовъ.

Сербскаго войска осталось немного. Но оно сильно духомъ, оно имѣетъ сердце и умѣетъ чувствовать. Сербская армія выполнитъ то, за что проливала кровь лучшая часть сербо-хорватскаго племени. Пролитая кровь товарищей не дастъ успокоиться тѣмъ, кто остался въ живыхъ, пока не осуществится то, за что они легли костьми, — то, для чего ихъ позвалъ подъ знамена ихъ славный, безсмертный герой—король.

Сербы не успокоятся до тѣхъ поръ, пока ихъ племя не будетъ освобождено, объединено. Лягутъ всѣ, но свободной должна быть ихъ великая родина!...

Сербскіе воины-инсургенты бродятъ по роднымъ горамъ и скаламъ...

Стерегутъ... подстерегаютъ...

* * *

Жертвы долга! Васъ забыли, васъ не помнятъ, какъ будто васъ и не существуетъ...

А вы,—вы, покидая свою родину, ни на минуту не переставали думать о благѣ своихъ союзниковъ...

Гор. Крагуевацъ эвакуируется. Уничтожили единственный на Балканскомъ полуостровѣ артиллерійскій заводъ. Все сожгли, все покинули...

Съ желѣзнодорожной станціи отправляется послѣдній поѣздъ, нагруженный хламомъ, кусками мѣди...

У поѣзда стоитъ группа офицеровъ. На станціи и русскій врачъ Н. И. Сычевъ съ отрядомъ... Эвакуируются...

Докторъ осматриваетъ грузъ поѣзда и удивленно спрашиваетъ офицеровъ:

— Что это значитъ? Зачѣмъ вы увозите всякій хламъ въ видѣ кусковъ мѣди, а дѣтей и женщинъ, за неимѣніемъ мѣстъ на поѣздѣ, отправили пѣшкомъ и Богъ знаетъ за сколько верстъ и куда?...

— Погибая,—отвѣчаетъ одинъ изъ офицеровъ,—мы не должны забывать уничтожать все то, въ чемъ болѣе всего нуждается нашъ общій врагъ. По намъ-то уже не будутъ стрѣлять нѣмцы снарядами, сдѣланными изъ нашей мѣди, а по вамъ—нашимъ союзникамъ. Мы этого не можемъ допустить...

* * *

Послѣ долгихъ лишеній и мытарствъ, наконецъ, добрался до Салоникъ. Думалъ попасть въ городъ, а попалъ въ военный лагерь. И кого только здѣсь нѣтъ... Военныя формы всѣхъ цвѣтовъ. Тутъ оживленные французы въ голубыхъ, вперемѣшку съ красными, формахъ; сосредоточенные англичане въ сѣрыхъ и коричневыхъ формахъ; озабоченные сербы въ своихъ оливковыхъ шинеляхъ; самодовольные греки, медлительные негры и красивые алжирцы.

По набережной тянется сплошная стѣна англо-французскихъ автомобилей-грузовиковъ. Между ними мелькаютъ „всадники“ на тощихъ лошаденкахъ. Это—греческій обозъ.

Гостиницы, рестораны, отели переполнены. Всѣ они сгруппированы на площади, называемой „Площадью согласія“.

* * *

Запасные пути салоникской желѣзнодорожной станціи завалены сербскими вагонами. Много солдатъ. Разставлена стража. Здѣсь—имущество народнаго банка и другихъ сербскихъ банковыхъ учрежденій. Ждутъ отправленія во Францію.

Боковыя улицы переполнены сербскими бѣженцами. Некуда приткнуться... Въ отеляхъ мѣстъ нѣтъ,

въ дома не пускаютъ. У многихъ ни гроша денегъ! Голодно и холодно! Измученные, усталые, нравственно разбитые бродятъ по улицамъ, ищутъ пріюта и не находятъ!

Бѣженцы, какъ замѣтятъ сербскую форму, сбѣгаются, обступаютъ, разспрашиваютъ...

— Вы когда пріѣхали? Откуда? Что съ нашей арміей? Что съ нашими героями?

Измучились... Плачутъ несчастные...

— Все перенесемъ,— муки и страданія намъ не страшны, только бы нашу армію Богъ сохранилъ; лишь бы вы, наши защитники, наша надежда, сумѣли прокормиться, имѣли бы чѣмъ прикрыться и что надѣть.

Крѣпятся, а слезы градомъ льются.

Герои, настоящіе герои—и сербскія женщины, и сербскіе бѣженцы! Безъ дома, безъ угла, безъ родины,—и ни одного слова проклятія, негодованія, недовольства судьбою!

Неужели исчезнетъ съ лица земли это удивительное, славное, жизнеспособное племя?...

* * *

Франція осталась вѣрна себѣ. Сама переживаетъ тяжелыя минуты. Страна наводнена бельгійскими бѣженцами. И въ то же время думаетъ о сербскихъ

бѣженцахъ и объ ихъ нуждахъ. Чуткая, благородная, отзывчивая Франція пріютила женъ, сестеръ, матерей и дѣтей сербскихъ героевъ.

По распоряженію ген. Сарайля, французскіе транспорты начали отвозить на югъ Франціи и въ Корсику сербскихъ бѣженцевъ. Французское правительство образовало въ Парижѣ комитетъ, во главѣ съ ректоромъ парижскаго университета, которому поручено озаботиться размѣщеніемъ во французскихъ начальныхъ школахъ и въ гимназіяхъ пяти тысячъ сербскихъ дѣтей. Всѣ расходы по содержанію пяти тысячъ учениковъ до окончанія ими высшаго образованія приняла на себя французская казна. Отправлена уже во Францію партія учениковъ въ 1.500 человѣкъ. И все это дѣлается безъ шума, чтобы не оскорбить самолюбія отцовъ.

Англія послѣдовала примѣру Франціи. Англичане просятъ прислать на тѣхъ же условіяхъ къ нимъ въ школы тысячу пятьсотъ дѣтей школьнаго возраста.

* * *

По пути къ Марселю мы угодили въ гнѣздо вражескихъ подводныхъ лодокъ. Это было на серединѣ пути между Критомъ и Мальтой. Благодаря тому, что „Toronto“—быстроходное судно, удалось

избѣжать опасности, постоянно мѣняя курсъ плаванія и направляясь къ берегамъ Африки.

Греки и здѣсь въ дѣлѣ борьбы съ подводными лодками усердно помогаютъ центральнымъ державамъ. Они снабжаютъ подводныя лодки провіантомъ и бензиномъ. Въ опасныя минуты лодки находятъ гостепріимство у береговъ греческихъ Іоническихъ острововъ.

Со мною въ Марселѣ высадилась группа раненыхъ сербскихъ офицеровъ. Героевъ обступила привѣтливая толпа. Импровизированная, искренняя, сердечная манифестація...

Французскіе офицеры съ трогательною заботливостью усаживаютъ въ автомобили своихъ сербскихъ коллегъ, чтобы доставить ихъ на вокзалъ для слѣдованія въ Парижъ. Какой-то старикъ подводитъ къ автомобилю трехъ малютокъ...

— Вотъ они, сербскіе воины! Взгляните на нихъ! Вамъ такъ хотѣлось увидѣть сербовъ...

Толпа шумитъ. Съ сочувствіемъ пожимаетъ руки офицерамъ... Въ заднихъ рядахъ запѣли марсельезу, слышны крики „живіо“...

Въ вагонѣ много офицеровъ-французовъ. Есть англичане и бельгійцы...

Бельгійцы особенно сердечны. Имъ понятны страданія сербовъ...

* * *

Лондонъ производитъ такое же впечатлѣніе, какъ и Парижъ. На каждомъ шагу чувствуется, что нація воюетъ и рѣшила побѣдить.

Англичане живо интересуются всѣми своими союзниками. О Россіи, Сербіи, Бельгіи, Польшѣ и Арменіи имѣется уже обширная литература.

Часто приходится слышать отъ англичанъ:

— Сербо-хорватское племя должно объединиться въ одно государство. Сербо-хорватскія земли Австріи должны соединиться съ Сербіей!

Англичане пріютили юго-славянскій, польскій и армянскій комитеты, которые изъ Лондона знакомятъ Европу и Америку со своими чаяніями и страданіями своего народа.

Я остановлюсь на юго-славянскомъ комитетѣ, съ которымъ столкнулся въ Лондонѣ.

Въ юго-славянскій комитетъ, между прочимъ, входятъ: Маряновичъ, Супило, Трумбичъ, Хинковичъ, Стояновичъ, Туцичъ, Мештровичъ и другіе. Это депутаты вѣнскаго парламента, члены сеймовъ босно-герцеговинскаго, далматинскаго и хорватскаго, представители искусства и литературы.

Они частью бѣжали изъ Австріи во время войны, частью оказались на территоріи союзниковъ въ моментъ объявленія войны. Они сорганизовались и по праву избранниковъ народа энергично стали заявлять о правахъ и нуждахъ своего народа. Благодаря поддержкѣ американцевъ—ихъ земляковъ, комитетъ получилъ возможность издавать

бюллетень—„Юго-Славянскій Вѣстникъ“ для ознакомленія политическихъ дѣятелей Европы съ жизнью и чаяніями юго-славянъ. Комитетомъ изданъ также цѣлый рядъ научныхъ трудовъ и брошюръ, касающихся юго-славянскаго вопроса. Эти лучшіе сыны сербо-хорватскаго и словенскаго народа лишены права вернуться на родину и объявлены государственными измѣнниками.

Въ Англіи и Франціи комитетъ сдѣлалъ очень много, и можно пожалѣть, что представители его забыли Петроградъ и Россію, которая почти ничего не знаетъ объ юго-славянахъ. Особенно энергична и полезна работа монаха о. Николая Велимировича, выдающагося богослова и проповѣдника.

Пишущему эти строки много разъ приходилось слышать, что сербы и хорваты — два отдѣльные народа, съ двумя отдѣльными языками, что это— два враждующіе народа, что Далматія—одно, Хорватія — другое, а Боснія съ Герцеговиной—третье. Словомъ, русскій интеллигентъ, русскій политическій дѣятель мало знакомъ со славянскими народами.

Комитетъ пользуется авторитетомъ среди своего народа. По извѣстіямъ изъ Хорватіи и Далматіи, австрійскіе агенты, считаясь съ настроеніемъ сербо-хорватскихъ полковъ, сражающихся противъ Италіи, выражаютъ сожалѣніе, что ихъ избранники работаютъ въ Парижѣ и Лондонѣ, а не въ Вѣнѣ и Берлинѣ. Они говорятъ: вѣдь мы не противъ

объединенія юго-славянъ и не противъ Супило, Трумбича и др. Только вотъ почему они пошли просить французовъ и англичанъ?! Напрасно! Мы осуществимъ Югославію.

Самая интересная фигура въ комитетѣ — это скульпторъ Мештровичъ, который выдѣлился на римской международной выставкѣ.

Недавно онъ устроилъ выставку своихъ произведеній въ Лондонѣ, которая произвела на англичанъ сильное впечатлѣніе.

Друзья сербскаго народа, выдающіеся наши русскіе художники, намѣрены перевезти выставку Мештровича въ Петроградъ, чтобы показать русской публикѣ „генія славянской расы", какъ Родэнъ назвалъ Мештровича.

Иванъ Мештровичъ родился въ 1883 г. въ Далматіи, въ сербской крестьянской семьѣ. Юношей онъ былъ пастухомъ и воспитывался на народныхъ пѣсняхъ. Когда ему исполнилось восемнадцать лѣтъ, онъ поступилъ въ мастерскую надгробныхъ памятниковъ въ гор. Сплетѣ (именуемомъ на нашихъ географическихъ картахъ и въ учебникахъ почему-то Спалато). Сплетское городское самоуправленіе отправило Мештровича въ вѣнскую академію художествъ, а въ 1907 году онъ уже появляется со своими работами въ Парижѣ въ „Salon d'Automne". Первая самостоятельная выставка работъ Мештровича была въ вѣнскомъ „Sezession'ѣ" въ 1910 году, вторая — въ столицѣ Хорватіи, въ

Загребѣ, въ томъ же году; отсюда сербское правительство перенесло ее въ Римъ, на юбилейную международную выставку, бывшую въ 1911 году, и здѣсь дарованіе и геній Мештровича поразили европейскій художественный міръ.

Мештровичъ — художникъ, о которомъ будутъ много говорить. Его огромныя фигуры — королевичъ Марко, Обиличъ, Милошъ, Срджа, нахмурившій глаза, это—легендарные герои старой Сербіи. Но королевичъ Марко — не только далекое и случайное воспоминаніе забытаго прошлаго,—онъ живой и дѣйствительный пособникъ народа въ дни страданій и борьбы. Въ статую Марко Мештровичъ вложилъ душу юго-славянской націи.

Кромѣ того, Мештровичъ—и архитекторъ-строитель. Его Видовданскій храмъ будетъ воздвигнутъ на полѣ сраженія, на которомъ была раздавлена физическая сила расы, но которая, несомнѣнно, будетъ вновь собрана для достойнаго возрожденія „Храмъ Коссова“ предназначенъ быть Пантеономъ юго-славянъ.

Вотъ этотъ храмъ. Въ возвышающуюся къ небу башню героевъ ведетъ корридоръ. По обѣ стороны этого входа—рядъ „каріатидъ“. Это высокія, исхудалыя фигуры юго-славянскихъ страдальцевъ, которые несли тяжелое бремя, но не согнулись подъ нимъ. Двѣ мраморныя и четыре гипсовыя фигуры предствляютъ коссовскихъ вдовъ, которыя оплакиваютъ мужскую половину ихъ племени.

Въ мраморныхъ группахъ Мештровича творчество поднимается на высокую ступень. Его фигуры, особенно женскія, дышатъ общечеловѣчностью. Онѣ терпятъ, молча страдаютъ; но онѣ одухотворены рѣшимостью и духовной силой.

* * *

Погибъ демократическій народъ. Уничтожена страна демократовъ!

Англичане и французы чистосердечно признаютъ свою вину передъ сербскимъ племенемъ. Они писали, искренно возмущались, негодовали противъ тѣхъ, кто допустилъ катастрофу сербо-хорватскаго народа. Они преисполнены желаніемъ исправить свою ошибку передъ сербами и не допустить, чтобъ исторія занесла на свои страницы ихъ тяжкую вину. Французы и англичане дѣлаютъ многое, очень многое для сербскаго народа, сербской арміи, — и дѣлаютъ безъ рисовки и рекламы... Знакомятся съ сербскимъ народомъ, съ его исторіей, съ его этнографическими и историческими правами на земли, населенныя сербо-хорватами, и къ моменту разрѣшенія судебъ маленькихъ народовъ они будутъ во всеоружіи...

А мы?.. Мы молчимъ, мы равнодушны къ родному по крови, языку, культурѣ племени. У насъ

какъ будто нѣтъ и желанія поближе узнать, познакомиться со своимъ братомъ. Что мы сдѣлали для погибшаго сербскаго народа? Какъ мы отозвались на его катастрофу? А вѣдь катастрофа, постигшая родной намъ народъ, — ужасна... Въ исторіи ни одинъ народъ ничего подобнаго не переживалъ. Да мы-то доподлинно и не знаемъ, что случилось. Мы какъ-будто боимся узнать правду... На насъ лежитъ тяжелое бремя отвѣтственности передъ сербо-хорватскимъ народомъ. Вспомнимъ, что мы сдѣлали для сербовъ хотя бы въ теченіе минувшаго столѣтія.

Со временъ Петра Великаго, когда началась борьба Россіи съ Турціей, до 1878 года сербы всегда были вѣрными союзниками русскихъ и принимали участіе почти во всѣхъ войнахъ, которыя вела Россія съ Турціей.

Такъ, въ 1711 году сербы отозвались на призывъ Петра Великаго, возстали, взялись за оружіе и, какъ союзники Россіи, храбро боролись съ турками.

При заключеніи мира между Россіей и Турціей въ пользу сербовъ ничего не было выговорено, и турки, воспользовавшись этимъ, направили свои силы противъ черногорцевъ съ цѣлью наказать ихъ за оказанную ими помощь Россіи. Черногорія была раздавлена, турки сожгли множество деревень, селъ, церквей и взяли въ плѣнъ массы народа. Объ этихъ страданіяхъ говоритъ самъ Петръ Великій въ своей грамотѣ отъ 9 іюля 1715

года черногорскому митрополиту Даніилу (см. Соловьевъ: „Исторія Россіи“, XVI, 131 стр.; А. Кочубинскій: „Мы и они“. Одесса. 1878 г., стр. 164—165 и 173).

Въ 1736 году началась новая русско-турецкая война; сербы Черногоріи и Сербіи снова по зову Россіи взялись за оружіе, начали борьбу съ турками и снова отвлекли на себя значительную часть турецкой арміи, чѣмъ оказали Россіи новую помощь. Россія же, заключивъ миръ съ турками въ 1739 году, опять забыла что-либо выговорить въ пользу своихъ союзниковъ, а турки, какъ и раньше, снова наказали сербскій народъ, опустошивъ какъ Сербію, такъ и Черногорію. Тогда въ одной Сербіи погибло болѣе 16.000 человѣкъ, бѣжавшихъ отъ разъяренныхъ турокъ къ рѣкѣ Савѣ съ намѣреніемъ спастись на австрійскую территорію и настигнутыхъ турками возлѣ гор. Болаева (см. М. М. Вукичевичъ: „Исторія сербскаго народа“, стр. 19; П. Ровинскій: „Черногорія“, I, стр. 543).

Почти такой же случай былъ и въ 1769 г., когда Мустафа III объявилъ войну Россіи и немедленно послалъ противъ сербовъ 67.000 армію, чтобы помѣшать какой-либо диверсіи сербовъ въ пользу Россіи. Въ это время Екатерина II посылаетъ къ сербамъ кн. Долгорукова съ манифестомъ, которымъ приглашаетъ сербовъ напасть на турокъ и гнать ихъ до вратъ Царьграда, „что нетрудно будетъ выполнить, ибо главныя силы будутъ направлены

противъ Россіи“ (см. С. Жигаревъ: „Русская политика въ восточномъ вопросѣ“. Москва. 1896 г., I, стр. 173—174; М. М. Вукичевичъ и Д. И. Семизъ: „Сербы и болгары въ борьбѣ за свободу и культуру“. Спб. 1913 г., стр. 243).

Сербы и теперь, какъ всегда, ринулись въ бой и, по донесенію самого князя Долгорукова, сдѣлали невозможнымъ движеніе боснійской турецкой арміи противъ Россіи.

Когда въ Кучукъ-Кайнарджи 10 іюля 1774 г. былъ заключенъ миръ, Россія получила Крымъ, Бессарабію, Азовъ, Керчь, Еникале и т. д. А что получили союзники Россіи? И тутъ о нихъ забыли и бросили на произволъ судьбы, предоставивъ самимъ отражать нападеніе турокъ на племя Кучи (Черногорія), которое турки разорили и разграбили (см. тамъ же, стр. 174—175 и 244).

Несмотря на все это, когда въ 1788 г. вспыхнула война Россіи и Австріи съ Турціей, на призывъ Императрицы Екатерины II поднялось все сербское племя, чтобы въ союзѣ съ Россіей и Австріей начать борьбу съ турками за свою свободу (см. С. Милутиновичъ: „Исторія Черногоріи“; Соловьевъ: „Исторія Россіи“, т. XX).

Цѣлые три года Боснія и Сербія были ареной войны; страна была опустошена и разорена, народъ подвергся страшнымъ страданіямъ и лишеніямъ, и все же при заключеніи мира съ Турціей въ Свиштовѣ и въ Яссахъ сербскій народъ ничего

не получилъ, а оба христіанскіе императора отдали его снова во власть турокъ, выхлопотавъ только амнистію тѣмъ, кто принималъ участіе въ борьбѣ.

На призывъ Александра I въ 1806 г. сербскій народъ вышелъ противъ французовъ и въ теченіе 1806 г. боролся съ ними вмѣстѣ съ русскимъ адмираломъ Сенявинымъ.

Въ теченіе войны сербы Черногоріи освободили Бокку-ди-Катарро и этимъ добились выхода на море и возможности дышать. Но по Тильзитскому мирному договору 1807 г. Александръ I уступилъ Бокку-ди-Катарро Наполеону, приказавъ сербамъ отказаться отъ нея въ пользу французовъ.

Въ войнѣ Россіи съ Франціей въ 1813 г. сербы снова, какъ союзники Россіи, завоевали Бокку-ди-Катарро, но на вѣнскомъ конгрессѣ эта область была уступлена Россіей Австріи.

Въ 1806 г. сербы подняли противъ турокъ возстаніе, успѣли освободиться и завоевать тѣ области, которыя входили въ границы Сербіи до 1912 г., и уже заключили было миръ съ турками въ концѣ декабря 1806 г. Но въ то время началась война Россіи съ Турціей 1806—1812 гг., и по предложенію Россіи сербы отказались отъ мира и вновь вступили въ борьбу съ турками,— какъ союзники русскихъ. Шесть лѣтъ сербы боролись съ турками, но когда въ 1812 г. Наполеонъ собирался вторгнуться въ Россію и въ Бухарестѣ былъ заклю-

ченъ миръ между Россіей и Турціей, Сербія опять оказалась покинутой (см. В. А. Уляницкій: „Матеріалы къ исторіи Восточнаго вопроса въ 1811—1813 гг.“).

Какъ пришлось страдать Сербіи и сербскому народу, брошеннымъ на произволъ судьбы, и сколько мукъ перенести,—объ этомъ не будемъ распространяться. Скажемъ только, что сербскій народъ поплатился при крушеніи перваго возстанія тысячами жертвъ, павшихъ на поляхъ сраженія, полнымъ опустошеніемъ страны, тысячами сыновей и дочерей, взятыхъ въ плѣнъ...

Въ первой половинѣ XIX столѣтія неоднократно вспыхивали возстанія въ Босніи и Герцеговинѣ, но изъ нихъ отмѣтимъ только возстаніе второй половины вѣка.

Сокрушивъ босно-герцеговинскую мусульманскую аристократію, въ 1851 г. энергично возставшую противъ султана, турки кинулись на христіанскую часть населенія.

Притѣсненія вызвали возстаніе герцеговинцевъ, продолжавшееся съ небольшимъ перерывомъ десять лѣтъ—съ 1853 до 1863 г.

Въ 1875 г. герцеговинцы снова подняли возстаніе. Народъ возсталъ, чтобъ отвоевать себѣ свободу и лучшія условія жизни, о которыхъ вѣками мечталъ, хотя силы его были незначительны въ сравненіи съ силами врага. Сербія и Черногорія не могли смотрѣть хладнокровно, какъ ихъ братья

истекаютъ кровью, и, подчиняясь волѣ народа, вопреки желанію европейскихъ державъ, вступаютъ въ единоборство съ турецкой имперіей, чтобы съ оружіемъ въ рукахъ вырвать изъ рабскихъ оковъ Боснію и Герцеговину, и объявляютъ въ іюнѣ 1876 г. войну Турціи. Миръ сербами съ Турціей былъ заключенъ въ февралѣ 1877 г. Боснія и Герцеговина получили автономію.

Когда русскія военныя операціи подъ Плевной затормазились, изъ русской главной квартиры въ Болгаріи былъ посланъ въ Сербію Бобриковъ, съ цѣлью узнать, „можетъ ли Сербія вступить въ войну, потому что было бы очень съ-руки, если бы сербы успѣли оттянуть на себя часть силъ турецкой арміи“ (см. Г. И. Бобриковъ: „Въ Сербіи. Изъ воспоминаній о войнѣ 1877—1878 гг.“ Спб. 1891 г., стр. 15). Сербія послѣ десяти мѣсяцевъ мира объявляетъ вновь Турціи войну—уже какъ союзница Россіи.

Попытка освободиться отъ рабства и стать въ ряды культурныхъ народовъ обошлась сербскому народу въ теченіе трехъ лѣтъ—съ 1876 по 1879 г.—въ 250.000 человѣческихъ жертвъ и болѣе полумилліарда франковъ...

Въ крови, въ слезахъ утопали Сербія, Черногорія, Боснія, Герцеговина и старая Сербія...

Въ Санъ-Стефано и въ Берлинѣ сербскій народъ былъ покинутъ... Европа четвертовала его, который въ теченіе пяти вѣковъ защищалъ ее своею грудью

отъ турецкаго нашествія, за то, что онъ былъ преисполненъ благородными стремленіями вырваться изъ когтей грубаго турецкаго рабства.. Не посмотрѣла Европа на дымъ пожаровъ, на потоки крови и слезъ, на геройскіе подвиги и страданія сербскаго народа и.. создала Болгарію, которая ни капли крови, можно сказать, не пролила за свою свободу. Боснія и Герцеговина брошены были въ кровожадную пасть Австріи, а другія земли, освобожденныя сербской арміей и повстанцами, частью были переданы свободной Болгаріи, а частью возвращены Турціи ..

И вотъ, у насъ все же находятся политическіе, общественные дѣятели и даже цѣлыя интеллигентскія группы, которыя въ настоящій моментъ, видя своими глазами страданія сербскаго племени, заявляютъ сербамъ:

— Получите Боснію и Герцеговину и будетъ съ васъ!

Долго ли еще сербскій народъ будетъ заливать своей кровью родныя земли, чтобы получить ихъ свободу? Неужели сербо-хорватскій народъ не заслужилъ своей беззавѣтной, геройской борьбой и самопожертвованіемъ, чтобы, наконецъ, русскій народъ сталъ на защиту священныхъ правъ сербскаго племени: быть свободнымъ въ своихъ этнографическихъ границахъ?

Вѣдь нѣтъ пяди сербской земли, которая бы не была орошена кровью и слезами замученныхъ серб-

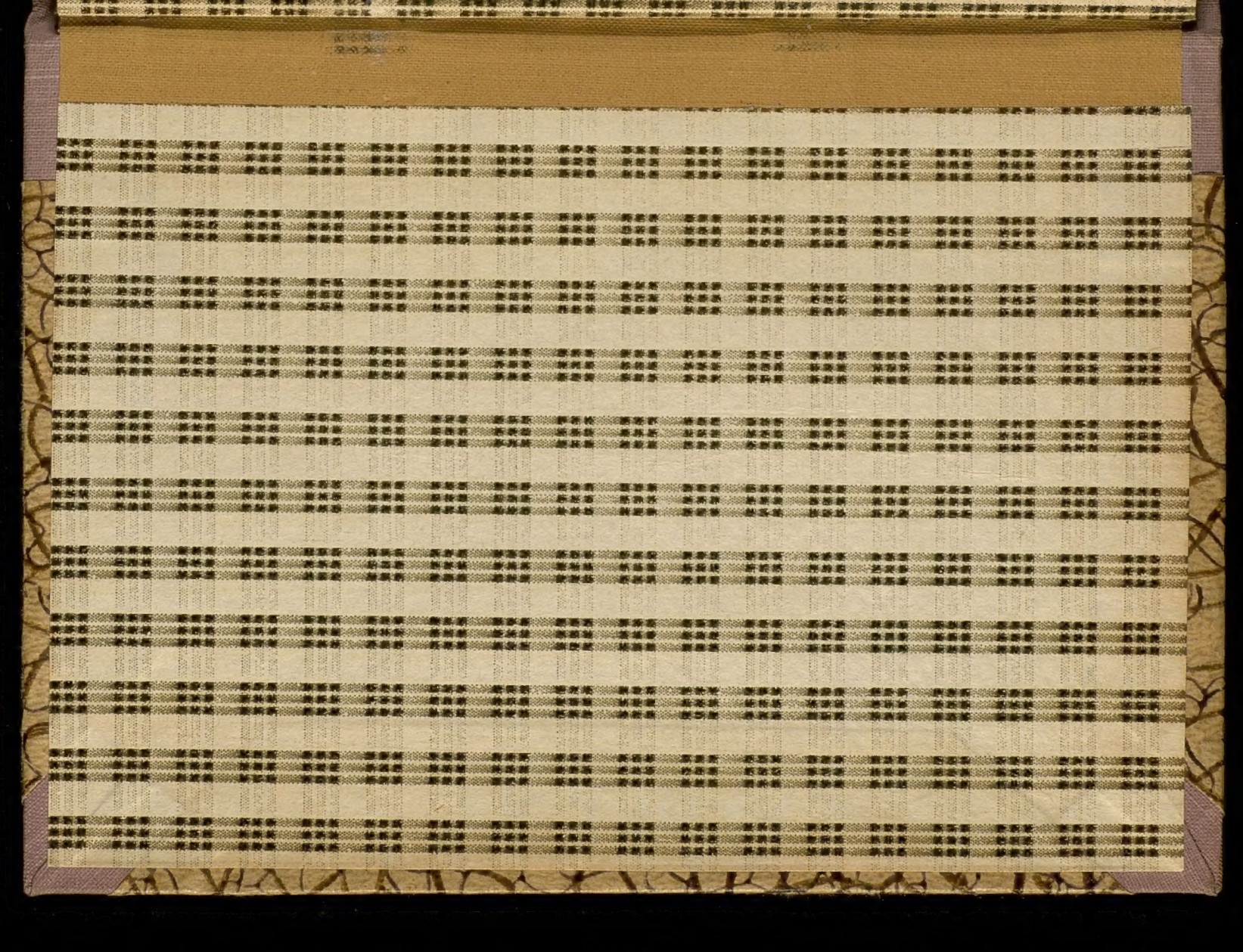
скихъ страдальцевъ. Неужели послѣ всего того, что свершилось, сербо-хорватское племя не будетъ освобождено, не будетъ объединено?...

Неужели среди сербскихъ союзниковъ, когда пробьетъ часъ рѣшенія судебъ Балканскихъ народовъ, найдутся люди, которые станутъ расчленять сербо-хорватское племя, отнимая отъ него Далматію, Банатъ, Хорватію, Македонію?...

Москва. Февраль 1916 г.

Госуд... публичная историческая библиотека РСФСР

ЦѢНА 50 коп.

Мет. 23
4 р.

Складъ изданія—при Правленіи Русско-Хорватскаго Общества памяти Крижанича въ Москвѣ, за Тверской заставой, Петроградская дорога, д. № 64.